

Взаимоотношения духовных христиан молокан и православного населения Амурской области в конце XIX — начале XX в. (по материалам Камчатских епархиальных ведомостей)

Дмитрий Евгеньевич Буянов,

аспирант кафедры религиоведения и истории Амурского государственного университета, Благовещенск.

E-mail: dmit2b@gmail.com

В статье исследуется проблема социально-экономического взаимодействия духовных христиан молокан и православного населения Амурской области в конце XIX — начале XX в. Особое внимание уделено религиозным разногласиям и спорам между православными чинами и сектантами. Анализируются порядок проведения догматических дискуссий, аргументация сторон, поведение верующих. Затрагиваются вопросы строительства церковных зданий и влияния экономических факторов на решения, принимаемые руководством Благовещенской епархии Русской православной церкви. Изучается институт брака у молокан и православных, рассмотрены случаи насильственных браков, а также факты перехода в другую веру. Представлены экономическая ситуация в Амурской области и вклад духовных христиан молокан в развитие края. Выделены аспекты экономических взаимоотношений между представителями разных религиозных общин. Поднимаются вопросы, относящиеся к включению новых членов молоканских общин в сектантский социум и переходу православных в молоканство с целью получения экономической поддержки. Показана большая обеспокоенность церковных властей в связи с оттоком православных в секты. При написании работы использовались церковные периодические издания конца XIX — начала XX в., в целом учтена позиция Русской православной церкви. Автор приходит к выводу о связи между фундаментальными положениями веры, мотивацией и экономическим процветанием молокан. Взаимодействие молокан и православных представляется как фоновый процесс, происходивший на основе укрепления начал веротерпимости и являвшийся активным в течение всего рассматриваемого периода.

Ключевые слова: амурская область, Русская православная церковь, конфессии, духовные христиане молокане, религиозные диспуты, межконфессиональные отношения, порядок возведения храмов, брак, общество.

Relationships of spiritual Christians Molokans and orthodox population of Amur Oblast in late 19th — early 20th century (based on materials of “Kamchatskiye Eparkhialnye Vedomosti”).

Dmitry Buyanov, Amur State University, Blagoveshensk, Russia.

E-mail: dmit2b@gmail.com

The paper studies the issue of social and economic relationships of spiritual Christians Molokans and orthodox population of Amur Oblast in the late 19th — early 20th century. The author focuses on religious differences and disputes between Orthodox churchmen and sectarians. The procedure of dogmatic discussions, the parties' arguments and the believers' behavior are analyzed. The issues of church building and influence of economic factors on the decisions made by Blagoveshchensk Archdiocese of Russian Orthodox Church are studied. The marriage institution in Molokans and Orthodox Christians is reviewed. Cases of forced marriages and cases of conversion are described. The economic situation in Amur Oblast and the contribution to the region's development made by spiritual Christians Molokans. The economic relationship aspects between diverse religious communities are named. The issues regarding introduction of new Molokan community members to the sectarian society and conversion of Orthodox Christians to Molokan faith with the purpose of getting economic aid are discussed. It is shown that church management was deeply concerned with Orthodox Christians' runoff to sects. Church periodicals of the late 19th — early 20th century were used for preparing this work; the position of the Russian Orthodox Church in general was taken into consideration. The author comes to a conclusion that fundamental faith dogmata, motivation and economic prosperity of Molokans are connected. Relationships between Molokans and orthodox Christians is seen as a background process taking place during the entire period studied thanks to growth of religious tolerance.

Keywords: Amur Oblast, Russian Orthodox Church, confessions, spiritual Christians Molokans, religious disputes, interconfessional relationships, church building principles, marriage, society.

Вопросы, касающиеся межэтнического и межконфессионального взаимодействия, всегда находились под пристальным вниманием учёных. Взаимоотношения, ведущие к успешному совместному проживанию народов, являются залогом благополучного существования государства. Неудачи в данном направлении приводят к конфликтам и войнам на этнической и конфессиональной почве. Именно поэтому исследователи уделяют повышенное внимание данной проблеме. Роль религиозных организаций в истории Дальнего Востока освещалась в публикациях Ю.В. Аргудяевой [1, с. 41—51; 2, с. 156—170], Н.М. Балалаевой [4, с. 24—39], С.М. Дударёнок [9, с. 192—203].

Приамурье конца XIX — начала XX в. является уникальным местом для рассмотрения взаимного влияния различных религиозных учений. Территория, заселённая по большей части христианами — православными,

католиками и протестантами, — также была местом обитания мусульман, иудеев и язычников из числа коренных жителей области. В условиях совместного проживания представителей различных религиозных течений немаловажным был вопрос об их взаимовлиянии и взаимодействии. В рамках данной статьи необходимо выделить три основных направления указанного процесса: влияние различных протестантских течений на православие, влияние православия на протестантские течения, влияние одних протестантских учений на другие.

Поскольку молоканское движение⁶ являлось крупнейшим из движений протестантского толка Амурской области в рассматриваемый период, важно рассмотреть взаимоотношения его представителей с православным населением, гражданскими и церковными властями. Учитывая то, что первых молокан сослали на Дальний Восток за нарушение законов, касающихся вероисповедания, а последующие группы прибывали вслед за ними, надеясь обрести религиозную свободу и обширные земельные наделы, необходимо узнать, каково было отношение к ним православных крестьян, городского населения и священников, какие меры принимали гражданские власти для ограничения распространения учения молокан, возникали ли конфликты на религиозной почве и как они разрешались.

Изучением подобных вопросов занимались исследователи на протяжении всего периода становления Дальнего Востока. Первая работа, посвящённая молоканам, за авторством А.С. Пругавина была опубликована в энциклопедическом словаре «Гранат» в 1915 г. [21, с. 224—230]. Ранее молоканство как явление освещалось в словарях (например, Брокгауза и Ефрона), однако это был первый случай упоминания дальневосточных молокан в энциклопедическом издании. О молоканах Приамурья писали

⁶ Молокане — группа духовных христиан, движение протестантского толка, основанное на свободной трактовке Св. Писания. Распространению молоканского учения способствовала деятельность С.М. Уклеина — инициатора и организатора движения. Зародившись в с. Уварово Борисоглебского уезда Тамбовской губернии во второй половине XVIII в., учение охватило окрестные деревни и сёла, позднее — уезды и губернии, так что после смерти С.М. Уклеина в 1809 г. осталось до 5000 его последователей. Молокане преследовались властями за инакомыслие, отклонение от православия и непочитание икон. Дело в том, что в основе учения лежал отказ от внешней обрядности, церковной иерархии, решений Вселенских соборов. Молокане признавали только духовное крещение, исповедовались сами, не признавали постов и церковных символов. У них была специфическая трудовая этика (этика «добрых дел»), способствовавшая экономическому подъёму группы. Среди множества молоканских толков выделялись воскресники, субботники (в зависимости от празднования того или иного выходного дня), сухие и мокрые молокане, молокане донские и др. В основе разделения лежали обрядовые стороны, например практика совершения обрядов покаяния или духовного крещения. Традиционные молокане не признавали никаких обрядов, однако по мере дробления движения его учение изменялось, появлялись обряды, что придавало молоканам неоднородность. В Российской Империи они проживали в Самарской, Тамбовской, Воронежской губерниях, на Кавказе и Дальнем Востоке. После революции 1917 г. часть молокан покинула Россию, перебравшись в США, Китай, отдельные группы эмигрировали за рубеж в предыдущие годы.

священники Русской православной церкви и преподаватели семинарских школ: К. Литвинцев [16] посвятил им две статьи в «Христианском Чтении», а А.В. Кириллов [13; 14] рассказывал о них со страниц Камчатских епархиальных ведомостей. В дальнейшем работу по классификации и изучению движения продолжили И.П. Морозов [19], Н.М. Балалаева [4, с. 24—39], И.А. Малахова [17] и др.

В постсоветский период к феномену молоканского движения обращались в своих статьях Ю.В. Аргудяева [1, с. 41—51; 2, с. 156—170], Т.Б. Коваль [15], Е.В. Буянов [5, с. 3—9; 7, с. 3—8; 8, с. 35—41], Н.Г. Архипова [3, с. 99—103]. Отдельно стоит выделить диссертацию М.Б. Сердюк, посвящённую религиозной жизни Дальнего Востока [23], где детально описываются события, происходившие в 1858—1917 гг., уделяется большое внимание неправославным христианским группам и их взаимодействию с властями. Важное место среди современных работ занимает монография Е.В. Буянова, посвящённая духовным христианам Приамурья, в которой автор обобщил сведения о молоканах, добавив новые факты, полученные из архивных фондов [6]. Таким образом, несмотря на то, что тема молоканского движения Приамурья является изученной, её отдельные аспекты, такие как взаимодействие духовных христиан и православного населения на рубеже XIX—XX вв., до сих пор остаются недостаточно исследованными, что обеспечивает её актуальность.

Амурская область в рассматриваемый период была относительно мало-заселённой, вследствие чего представители различных религиозных групп имели возможность компактно селиться и развиваться, не подвергаясь воздействию иноверцев. Учитывая то, что основной государственной религией было православие, а уклонение от него и переход в другую веру строго карались, можно говорить, что православие занимало доминирующие позиции в обществе. Фактически, на рубеже XIX—XX вв. все религиозные течения, за исключением православия, находились под различной степени давлением, причём отношение к этим религиям гражданских и церковных властей чётко разделялось: от благосклонности к лютеранству и католицизму до преследования сектантов [27, с. 188].

Закон об укреплении начал веротерпимости был принят только в 1905 г. (необходимо отметить, что вплоть до Первой мировой войны на имя императора Николая II регулярно отправлялись прошения с просьбой о его отмене, т.к. он, по мнению некоторых православных верующих, предоставлял сектантам слишком много религиозных свобод). Фактически до 1905 г. на территории Амурской области возможность того или иного вероисповедания обеспечивалась не нормативными актами, а бытовыми и географическими условиями: вследствие больших расстояний и значительной удалённости поселений друг от друга у православных священников не всегда имелась возможность вести тщательный надзор за сектантами, а сектанты могли скрывать свою принадлежность к неправославной общине.

Русская православная церковь использовала различные методы для удержания населения в лоне православия и противодействия вероучениям протестантского толка. Самыми значимыми из них были посещения

епископом Камчатской (позднее Благовещенской и Приамурской) епархии селений Амурской области. Епископ Макарий в 1894—1895 гг. регулярно совершал такие поездки, следя, как отправляются службы, насколько велико влияние сектантов из числа духовных христиан на православных, где требуются постройки новых храмов и т.д. Его подчинённые также занимались подобного рода выездами, несмотря на слаборазвитую инфраструктуру.

Епископ постоянно направлял на места противосектантских миссионеров, чья цель состояла в недопущении отхода от православия жителей сёл и деревень Амурской области и в прикреплении к православию представителей других религий. Методы их воздействия заключались в беседах, убеждениях, раздаче православной литературы, проповедях, спорах. Последние служили опорой и для духовных христиан, различные течения которых также боролись за увеличение числа единоверцев. Православные священники сознательно организовывали религиозные дискуссии, во время которых молокане и баптисты регулярно спорили не только с православными, но часто и между собой. Таким образом, религиозная полемика являлась фундаментом для зарождения веротерпимости в Амурской области, и, забегая вперёд, необходимо отметить что хотя дискуссии оставались малоэффективными, случаи перехода молокан или старообрядцев в православие всё же наблюдались, что свидетельствует об энергичных усилиях церковных миссионеров.

Вся деятельность православных миссионеров может быть сведена к нескольким пунктам, из которых самым показательным являлось посещение деревень: как тех, где жили преимущественно «сектанты» — молокане, духоборы, баптисты, старообрядцы, — так и тех, в которых было население смешанного типа. Именно в последних и происходили самые жаркие дебаты, имеющие отношение как к религии, так и к быту.

Примером может служить поездка противосектантского миссионера Ал. Дьяконова по Зазейскому району в декабре 1893 г. При посещении с. Борисоглебовки разгорелся спор о строительстве там нового храма. Молокане, традиционно отрицавшие видимую церковную обрядность и иерархию, отказывались принимать участие в строительстве, мотивируя своё решение отсутствием необходимости и приводя в качестве аргументов цитаты из Священного писания. Православные священники же на протяжении определённого времени пытались их убедить. Т.к. деньги на строительство храма обычно собирались со всей деревни, и без участия молоканских семей собрать нужную сумму было невозможно, на начало декабря 1893 г. храм так и не был построен. Обеспокоенные активностью молокан, противосектантские миссионеры сочли своим долгом вмешаться в жизнь деревни.

Анализ дискуссии показывает, что молокане и православные имели различные взгляды на то, что можно считать храмом и какова его роль в жизни верующих. Чтобы понять позиции сторон, необходимо выслушать их аргументацию. Для священников Русской православной церкви православие было единственно истинной верой, направленной на спасение души и основанной Иисусом Христом [11, с. 122]. Молокане считали, что их вера также

является истинной, поскольку основана на Священном Писании, они отвергали православную трактовку священных текстов, предлагая взамен свою. Православные священники настаивали, что только облагодетельствованные лица — священники — могут трактовать Писание.

Позиция духовных христиан молокан состояла в том, что тело человека и есть храм божий, а раз так, то и потребности в вещественном храме нет. Ветхозаветный храм был отнят у людей и впоследствии заменён другим — нерукотворным: «Но Христос, Первосвященник будущих благ, придя с большею и совершеннейшею скиниею, нерукотворенною...» (Евр. 9:11). Помимо этого молокане ссылались на 24, 25 стихи 17 главы Деяний, говоря о том, что Бог не в рукотворенных храмах живёт и не требует служения рук человеческих.

Православные же настаивали на том, что, говоря о нерукотворной скинии, Иисус Христос имел в виду скинию «не такового устройства», т.е. перестроенную ветхозаветную скинию⁷. В «Послании к евреям Апостола Павла» объясняется, в чём состоит отличие новых храмов от старых, ветхозаветных и как они будут изменены. Православные священники признавали, что Бог живёт не в рукотворном храме и что храм не нужен Богу в том же смысле, что и человеку жилище, и, рассматривая отрывок из Деяний святых апостолов, приводили слова пророка Исаии: «Так говорит Господь: небо — престол Мой, а земля — подножие ног Моих; где же построите вы дом для Меня, и где место покоя Моего?» (Ис. 66:1). По мнению священников, древние евреи осознавали, что Бог живёт не на земле, и всё равно строили храмы, потому что это «видимое, вещественное рукотворное место присутствия Божия на земле» [11, с. 124, 125].

По словам православных священников, христианские святые и сам Иисус Христос бережно относились к иерусалимскому храму, что уже должно символизировать его важное значение для христиан. В «Первом послании к Коринфянам» и других священных текстах православные священники находили подтверждение уже существовавших тогда обрядности, иерархии и порядка богослужения и почитания храмов. Это давало им возможность говорить, что почитание храмов напрямую проистекает из Нового Завета.

Далее в дискуссии речь зашла о почитании икон. Отметим: молокане, опираясь на ветхозаветные заповеди, неизменно отрицали всякое почитание икон, их было очень трудно убедить в том, что иконы — это не идолы, которым не следует поклоняться, а изображения ликов Святых, показывающие их деяния в той же степени, что и Библия.

Этот раз не стал исключением, но аргументация использовалась новая. По мнению молокан, поклоняться Богу нужно «духом и истиной». Они отказывались поклоняться иконам, поскольку не находили этому подтверждения в Новом Завете. Миссионеры же пытались убедить их, что православное поклонение является истинным, и приводили в подтверждение

⁷ Скиния — походный храм древних евреев, его устройство описано в книге Исхода (25—31). В христианстве является символом прообраза храма.

места из Ветхого Завета, доказывая, что обряды поклонения материальным святыням были у иудеев, а поскольку в Новом Завете нигде не сказано об их отмене, то христиане почитать рукотворные святыни также могут [11, с. 168]. Приводя цитату из Евангелия: «Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе» (Ин. 4:23), — православные настаивали, что слово «кланяться» уже подразумевает проявление внешней обрядности, а значит, поклонение духом также может быть видимым.

Здесь мы должны перейти к важному моменту, недостаточно освещённому в современной литературе: к порядку возведения храмов и церквей. В Амурской области на рубеже XIX—XX вв. строительство церковных учреждений осуществлялось на деньги прихожан, церковь и дом священника сооружались жителями поселений. Деньги собирались со всех дворов, обычно — по 50 руб. со двора, таким образом, в деревне со 100—120 дворами средний денежный сбор равнялся 5000—6000 руб. Впрочем, имелись и исключения. Например, возведение храма в с. Жариковка обошлось прихожанам в 4000 руб., остальные деньги выделили из переселенческого капитала [22, с. 9]. Постройка храма в с. Никольском стоила 12 000 руб., но часть средств поступила от инженеров Южно-Уссурийской железной дороги [22, с. 145]. В целом же нормой была сумма в 5000 руб.

Строительство храма осуществлялось с составлением сметы и по нормативам, установленным прихожанами, либо строительными комитетами из их числа, либо подрядчиком, выполняющим все работы. Готовая постройка принималась комиссией, составлялся акт, все надлежащие документы передавались в ведение епархиального начальства [12, с. 19—23].

После строительства церковь освящалась епископом епархии. Прихожане возводили и дом, где проживал священник, на содержание которого выделялись средства епархии, также жители приносили ему подаяние в виде продуктов сельского хозяйства [26, с. 53].

Рассмотрев экономическую сторону проблемы строительства церкви, мы обнаруживаем новый аспект. Очевидно, что молоканские семьи, не желавшие участвовать в возведении церквей, руководствовались положениями своей веры, которые подкреплялись мотивами экономического характера. В стремлении отказаться от внешней обрядности, церковной утвари и иерархии духовные христиане молокане были очень близки к протестантам Западной Европы и в целом являлись движением протестантского толка. Как и протестанты на западе Европы, они отвергали те элементы религиозной практики, которые им казались избыточными, не находившими своего подтверждения в Священном Писании, и по совпадению это были как раз те элементы, на содержание которых и уходило больше всего денежных средств.

Вследствие этого жителям молоканских деревень не приходилось тратить деньги на сооружение храма, а освободившийся таким образом капитал обычно пускался в оборот. Не умаляя роль священников в деле народного образования (создание церковно-приходских школ) и поддержания нравственности в деревнях, мы не можем не отметить, что жителям малых

поселений зачастую было не по силам поддерживать храмы в надлежащем порядке [25, с. 71, 73; 26, с. 290]. Таким образом, молокане, отрицавшие внешнюю обрядность и пускавшие деньги на покупку земли, сельскохозяйственных орудий и скота, на начальном этапе развития деревни могли позволить себе покупать больше, чем православные, вынужденные выделять часть средств на строительство храма, что давало молоканам преимущество в развитии.

Если же рассматривать вопросы экономического характера в целом, то обнаруживается влияние духовных христиан молокан на экономическую ситуацию в регионе. Молокане, прибывшие из Самарской губернии и основавшие в Амурской области с. Самарское, изначально обрабатывали большие участки земли. Впоследствии переселившись в другие деревни и открыв магазины и лавки в Благовещенске, они, наряду с православными, католиками и представителями других вероисповеданий, внесли огромный вклад в развитие торговли в области. Зажиточность молокан уже спустя несколько лет после переселения позволила им заняться извозом, сельским хозяйством, торговлей и производством товаров [2, с. 161]. В дальнейшем они расширили своё влияние на территорию всего Дальнего Востока.

На начальном этапе деятельности молокане предпочитали заниматься сельским хозяйством. Для этого им было необходимо получить землю и найти подходящих работников. Если в первые годы после переселения они активно вели торговлю с маньчжурами, покупая у них лошадей, нанимаясь к ним в качестве работников или нанимая их (что зависело от зажиточности молоканских семей), то впоследствии молокане стали привлекать к работе православных.

Законы Российской Империи на протяжении длительного времени запрещали сектантам иметь у себя православных работников, однако в Амурской области они не всегда соблюдались. Там, где православные работали в молоканских хозяйствах, наблюдались уклонения от веры и переход в молоканство. Подобные картины были не редкостью в православных сёлах, находившихся по соседству с молоканскими. Ситуацию осложняло то, что молокане икон не признавали и не поощряли проведение обрядовых практик среди своих православных работников [25, с. 527]. Обеспокоенные такой ситуацией священники выезжали в сёла. Стремясь избавить жителей православных деревень от влияния сектантов, они прибегали к самым различным методам (увещеваниям, призывам, обращениям к гражданскому начальству), некоторые из которых оказывались достаточно действенными.

Отношение части православных к сектантам было отнюдь не доброжелательным. Руководствуясь своими представлениями об истинной вере, некоторые православные верующие лишь усугубляли ситуацию, создавая атмосферу религиозной нетерпимости. Общее правило было таково: чем активнее пропагандировали своё вероучение неправославные верующие, тем нетерпимее относилась к ним гражданская и церковная власть. Именно поэтому православные священники снисходительно или покровительственно относились к орочам, корейцам или китайцам, надеясь обратить их в свою веру.

Молокане Амурской области компактно проживали в Зазейском районе, недалеко от Благовещенска. Имея плодородные и обильные почвы и возможность вести торговлю, они выдвинулись на первый план в развитии своего края. Ими были основаны деревни Гильчин, Тамбовка, Толстовка, Жариковка, Александровка, Чуевка и Андреевка [ГМИР. Ф. 2. Оп. 8 (70). Д. 364. Л. 3]. Большой приток людей из Самарской и Воронежской областей позволял заселять всё новые и новые территории. Община молокан быстро росла и стала довольно многочисленной, в конце XIX — начале XX в. для православных священников существовала реальная опасность потери контроля над религиозной жизнью области. Достаточно лишь сказать, что в Амурской области в 1909 г. проживало 28 340 молокан и их община была крупнейшей в Российской империи [4, с. 24].

Нельзя не отметить усилия православных миссионеров по возврату в православие молокан. 28 октября 1894 г. была присоединена к православию М.И. Лештаева из молоканской семьи [20, с. 162]. Лештаевы — известная в Приамурье молоканская фамилия, пожалуй, одна из самых известных наравне с Алексеевыми, Коротаяевыми, Ланкинами, Косициными, Поповыми и др. Переходы молокан в православие были редкостью, а среди Лештаевых — особенно. Обычно причиной перехода являлся брак и отделение от семьи. Нужно пояснить, что молокане жили по патриархальным законам: отец сам выбирал, за кого выдать дочь или на ком женить сына. Смешанные браки в большинстве своём не допускались, но изредка имели место. Если молоканка выходила замуж за православного, то перенимала его веру. При смешанных браках молокан и баптистов, баптистов и духоборов или молокан и духоборов вероисповедание выбиралось по согласию, но почти всегда в пользу жениха.

Рассмотрим один из таких случаев подробнее. Представительница молоканской общины из Благовещенска, желая выйти замуж за православного, приняла обряд крещения. Спустя месяц пребывания у православных родителей своего мужа, не вынеся условий жизни в большой семье, а также пьянства и ругани, она, как отмечает священник Ал. Дьяконов, покинула семью, куда её попытались вернуть городовые. Во время разговора, состоявшегося между священником и молоканкой, она заявила, что вышла замуж, поддавшись уговорам будущего мужа, и, не найдя жизнь в православной семье возможной, возвратилась в молоканскую семью, и теперь хочет вернуться в молоканское исповедание. Священник, заметив, что в православие она вступила добровольно, в такой возможности ей отказал. По мнению Ал. Дьяконова, причиной разрыва отношений в православной семье могло быть влияние молоканских родственников, однако, вероятнее, эта женщина вышла замуж, поддавшись чувствам, но, столкнувшись с непримиримым и враждебным отношением родственников мужа, рассматривавших её как представительницу молоканского движения и ругавших её за это, разочаровалась в муже и решила с ним развестись. Поскольку законы Российской империи в таких случаях развод не предусматривали, ей не оставалось ничего другого, как отказаться от веры, что-бы брак признали незаконным [10, с. 255—262].

Другой случай: дочь одного из молокан решила принять православие, чтобы выйти замуж за православного. После совершения крещения ей дали другое имя. Родители девушки, узнав об этом, увезли её из Владивостока, где проживала семья, в Благовещенск и выдали замуж за молоканина. Брак повенчал молоканский старец в соответствии с молоканскими обычаями. Поскольку такого рода браки являлись неофициальными, их было необходимо регистрировать в метрических сектантских книгах, совершённые же устно и не зафиксированные на бумаге союзы не признавались.

Православные священники узнали об этом и стали требовать разрыва брака, исходя из того, что совершён он незаконно, поскольку молоканские старцы не имели права венчать православную, коей была недавно крещёная на момент совершения брака. Они обратились в городскую полицию, которая отказалась фиксировать данный брак в документах. Более ничего священники тогда сделать не могли [10, с. 245—248].

Наконец, необходимо рассмотреть третий случай. Православная семья крестила свою дочь, но вскоре после перешла в молоканство. Девочка, выросшая в молоканской семье, решила возвратиться в православие. Когда ей исполнилось 16 лет, она явилась к противосектантскому миссионеру, священнику Ал. Дьяконову, и попросила его об этом. После выяснения её статуса и наставления в истинах православия она была сподоблена таинствам покаяния и причащения [10, с. 249].

Как мы видим, во всех случаях наблюдается конфликт молоканских семей и православных священников. В те времена закон был на стороне Русской православной церкви, к тому же решение о насильственном браке нельзя считать нормальным. Подобного рода браки были лишь в городах и смешанных деревнях, где молокане проживали вместе с православными. Обособленность молоканских селений Зазейского района исключала всякую возможность контакта с другими лицами (кроме наёмных работников), что и обусловило в этих деревнях браки исключительно между молоканами.

Фактически мы можем рассматривать молоканство как некий социальный феномен, социальную структуру, где люди со схожими взглядами и предпочтениями сближались друг с другом, передавали свои традиции следующим поколениям. Молоканство являлось некоей средой, фильтром, механизмом селекции, где люди, имевшие общие взгляды и предпочтения, черты, рождались только друг с другом, что способствовало усилению определённых качеств у будущих поколений. Именно этим могут быть объяснены те черты, которые приписывали молоканам: хозяйственность, расчётливость, зажиточность. Таким образом, религиозный фундамент способствовал возникновению нового суб-общества, которое развивалось внутри существовавшего тогда социума.

Этот вывод подтверждается словами обер-прокурора Св. Синода, писавшего, что «секты, преимущественно молоканские, поселились здесь с самого основания и, с каждым годом переселяясь и увеличиваясь в числе, образовали сплочённое общество, совершенно изолированное от православного населения. Чувствуя под собой твёрдую почву, они составляют,

так сказать, *общество в обществе*, которое преследует только меркантильные цели» [18]⁸. Перечисляя признаки, которые отличали молокан от остальных, обер-прокурор отмечает, что браки в их среде совершались преимущественно между ними, зачастую до официального совершеннолетия, в церковные праздники, по своим установленным обрядам. Работали молокане и в дни святых, постов не признавали, тем самым, по словам епископа, оскорбляя чувства православных. Обладая состоянием, молокане могли оказывать воздействие на мнение окружающих. Различия в организации быта, обрядов, проведении праздников молокан и православных были настолько сильны, что обер-прокурор Св. Синода назвал молоканское движение «обществом в обществе».

Отдельно стоит отметить усилия молокан по обращению православных в свою веру. По свидетельству священников, многие из прибывавших в Амурскую область крестьян намеренно называли себя молоканами, чтобы поселиться рядом с ними, т.к. те на первых порах помогали в становлении хозяйства. Поскольку законы Российской империи не позволяли православным селиться с молоканами, единственным способом преодолеть этот запрет был отказ от прежней веры, стремление назваться молоканами. Данная ситуация была выгодна как переселенцам, так и молоканам: молокане получали рабочую силу, крестьяне-переселенцы обеспечивались всем необходимым на первых порах и зарабатывали не меньше, чем им платили бы православные [25, с. 509].

На самом деле, прибывающие из Самарской губернии крестьяне уже знали о существовании молоканского учения и, обнаружив на местах крепкую молоканскую общину, готовую помочь переселенцам в становлении и развитии хозяйства, или переходили в молоканство, или селились рядом с молоканами, работая в их хозяйствах и пользуясь преимуществами проживания рядом с богатыми соседями. Молоканские деревни были одними из первых в Амурской области, где появились мельницы, в хозяйствах молокан были представлены многочисленные сноповязалки, жатки, косилки и другая сельскохозяйственная техника. Зажиточность молокан позволяла им находиться на передовой прогресса, и те, кто селились рядом с ними, также могли пользоваться благами цивилизации. Всё это позволяло молоканам не только увеличивать обороты хозяйства, но и привлекать новую рабочую силу, а новоприбывшим крестьянам — селиться в местах с развитой инфраструктурой, что впоследствии содействовало их вливанию в молоканское общество.

Проповеди молокан, их быт способствовали переходу поселенцев в молоканство. Под их влиянием, православные крестьяне перенимали их ритм и образ жизни [6, с. 98]. Православные священники отмечали, что в деревнях и сёлах Зазейского района, даже там, где не проживали молокане, отсутствовали иконы, особенно в присутственных местах, где им надлежало быть [25, с. 528]. Среди лиц, пропускавших утренние молитвы или уклонявшихся от посещения храмов, по наблюдению православных

⁸ Курсив автора.

священников, было распространено неприязненное отношение к духовенству. В целом же даже те деревни, в которых не наблюдалось молоканского влияния, но где жители не посещали церковь, не стремились к строительству новых храмов [25, с. 14, 71]. Всё это говорит о недостаточно эффективном влиянии православия на население ряда отдалённых деревень Амурской области.

Таким образом, мы приходим к выводу, что экономическое влияние молокан на православных заключалось в предоставлении им рабочих мест, торговле и развитии селений области. Социокультурное и религиозное влияние проявлялось в отказе от принятых обрядовых и культовых практик, переориентации ценностей и изменении бытового уклада тех крестьян, которые попадали под влияние молокан (например, отказ от посещения молитвенных служб в пользу более продолжительного рабочего дня). Влияние православных проявляло себя в вопросах строительства храмов и проведения служб в деревнях, отказе от привычных для молокан норм поведения. Общее влияние выражалось в том, что молокане проживали обособленно от других и, используя собственные уставы, нормы и правила поведения, организовывали свою жизнь иным образом, что способствовало возникновению новых элементов внутри существовавшего тогда общества.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аргудяева Ю.В. Влияние русского православия на быт коренных народов Приамурья и Приморья // Россия и АТР. Владивосток, 2009. № 4. С. 41—51.
2. Аргудяева Ю.В. Молокане в Приамурье // Традиционная культура востока Азии. Благовещ. гос. пед. ин-т.: Благовещенск, 1995. С. 156—170.
3. Архипова Н.Г. Молокане на Амуре: особенности жизни и быта // Слово. Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 5. Амурские молокане: речевые портреты. Речевые жанры. Лингвогеография. Словарь. Язык фольклора. Благовещенск, 2007. С. 99—103.
4. Балалаева Н.М. О Переселении молокан в Амурскую область // Учёные записки (серия историческая). Т. 16. Хабаровск, 1968. С. 24—39.
5. Буянов Е.В. Взаимоотношения Благовещенской епархии Русской православной церкви и общины духовных христиан молокан Амурской области в начале XX в. // Вестник Амурского гос. ун-та. Благовещенск, 2012. № 56. С. 3—9.
6. Буянов Е.В. Духовные христиане молокане в Амурской области во второй половине XIX — первой трети XX вв. Благовещенск, 2013. 396 с.
7. Буянов Е.В. Отношения духовных христиан молокан Амурской области с органами царской власти во второй половине XIX — начале XX вв. // Вестник Амурского гос. ун-та. Благовещенск, 2011. № 54. С. 3—8.
8. Буянов Е.В. Трудовая деятельность духовных христиан молокан в Амурской области во второй половине XIX — начале XX вв. // Вестник Амурского гос. ун-та. Благовещенск, 2010. № 48. С. 35—41.
9. Дударёнок С.М. Адвентисты седьмого дня в Приморском крае (1950—1989) // Россия и АТР. Владивосток, 2012. № 2. С. 192—203.

10. Дьяконов А. Отчёт Благовещенского Православного Братства Пресвятой Богородицы за девятый год его существования // Камчатские епархиальные ведомости. Благовещенск: Камчат. Епархия РПЦ Моск. патриархата, Типография т-ва Д.О. Мокин и Ко, 1895. № 11. С. 228—233; № 12. С. 243—249; № 13. С. 255—262.
11. Дьяконов А. Поездка к за-Зейским молоканам // Камчатские епархиальные ведомости. Благовещенск: Камчат. Епархия РПЦ Моск. патриархата, Типография т-ва Д.О. Мокин и Ко, 1894. № 6. С. 119—126; № 8. С. 163—170; № 9. С. 187—193.
12. Инструкция строительным комитетам по постройке храмов в Камчатской Епархии // Камчатские епархиальные ведомости. Благовещенск: Камчат. Епархия РПЦ Моск. патриархата, Типография т-ва Д.О. Мокин и Ко, 1894. № 3. С. 19—23.
13. Кириллов А.В. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. Благовещенск: Типография т-ва Мокин и Ко, 1894. 542 с.
14. Кириллов А.В. Амурские прыгуны или духовные христиане (краткий историко-этнографический очерк) // Камчатские епархиальные ведомости. Благовещенск, 1897. №№ 6, 7, 10, 13, 16, 19, 22.
15. Коваль Т.Б. Духовные христиане: религиозное своеобразие и этика труда // Мир России, 1993. Т. 2. № 1 // CYBERLENINKA.RU: научная электронная библиотека. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/duhovnye-hristiane-religioznoe-svoeobrazie-i-etika-truda> (дата обращения: 23.09.2015).
16. Литвинцев К. Амурские сектанты: молокане и духоборы // Христианское чтение. СПб., 1887. № 11—12; 1888. № 11—12.
17. Малахова И.А. Духовные христиане. М., 1970. 128 с.
18. Молокане на Амуре // Камчатские епархиальные ведомости. Благовещенск: Камчат. Епархия РПЦ Моск. патриархата, Типография т-ва Д.О. Мокин и Ко, 1898. № 20. С. 363—364.
19. Морозов И.П. Молокане. М., Л.: ОГИЗ — Московский рабочий, 1931. 144 с.
20. Присоединение к православию // Камчатские епархиальные ведомости. Благовещенск: Камчат. Епархия РПЦ Моск. патриархата, Типография т-ва Д.О. Мокин и Ко, 1894. № 21. 162 с.
21. Пругавин А.С. Молокане // Энциклопедический словарь русского библиографического общества института Гранат. 11-е стереотипное изд. с матрицы 1915 г. Т. 29. М., 1933. С. 224—230.
22. Путешествие Преосвященнейшего Макария, Епископа Камчатского по епархии в мае, июне и июле месяцах 1893 г. // Камчатские епархиальные ведомости. Благовещенск: Камчат. Епархия РПЦ Моск. патриархата, Типография т-ва Д.О. Мокин и Ко, 1894. № 1. С. 6—13; № 3. С. 56—63; № 7. С. 145—157; № 11. С. 252—261.
23. Сердюк М.Б. Религиозная жизнь Дальнего Востока (1858—1917): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1998. 22 с.
24. Тихвинский С. От Благовещенска до Покровки (802 вер.) и обратно // Камчатские епархиальные ведомости. Благовещенск: Камчат. Епархия РПЦ Моск. патриархата, Типография т-ва Д.О. Мокин и Ко, 1895. № 13. С. 262—267; № 14. С. 290—295; № 16. С. 345—350; № 17. С. 368—373.
25. Тихвинский С. Путевые заметки впечатления сопровождавшего Его Преосвященство Преосвященнейшего Макария по за-Зейскому краю // Камчатские епархиальные ведомости. Благовещенск: Камчат. Епархия РПЦ Моск. патриархата, Типография т-ва Д.О. Мокин и Ко, 1894. № 20. С. 438—443; № 23. С. 506—510; № 24. С. 526—531; 1895. № 1. С. 11—15; № 3. С. 69—75.
26. Указы Святейшего Правительствующего Синода // Камчатские епархиальные ведомости. Благовещенск: Камчат. Епархия РПЦ Моск. патриархата, Типография т-ва Д.О. Мокин и Ко, 1894. № 9. С. 53—54.

27. Энергичное противодействие баптисткой пропаганде земского начальника Новоузенского уезда // Камчатские епархиальные ведомости. Благовещенск: Камчат. Епархия РПЦ Моск. патриархата, Типография т-ва Д.О. Мокин и Ко, 1895. № 8. С. 187—190.
28. ГМИР (Гос. музей истории религии).

REFERENCES

1. Argudjaeva Ju.V. Vlijanie russkogo pravoslavlja na byt korennyh narodov Priamur'ja i Primor'ja [Influence of Russian Orthodox Church on the household of indigenous peoples in Priamur'ja and Primor'ja]. *Rossija i ATR*. Vladivostok, 2009, no. 4, pp. 41—51. (In Russ.)
2. Argudjaeva Ju.V. Molokane v Priamur'e [Molokans in Priamure]. *Tradicionnaja kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshhensk, 1995, pp. 156—170. (In Russ.)
3. Arhipova N.G. Molokane na Amure: osobennosti zhizni i byta [Molokans in Amur region: particular traits of life and household]. *Slovo. Fol'klorno-dialektologičeskij al'manah. No. 5. Amurskie molokane: rechevye portrety. Rechevye zhanry. Lingvo-geografija. Slovar'. Jazyk fol'klora* [Word. Folklore and dialectology almanac. Issue 5. Amur Molokans: speech portraits. Speech genres. Linguistic geography. Vocabulary. Folklore language]. Blagoveshhensk, 2007, pp. 99—103. (In Russ.)
4. Balaleva N.M. O Pereselenii molokan v Amurskuju oblast' [About resettlement of Molokans in Amur region]. *Uchenye zapiski, serija istoričeskaja*. Habarovsk, 1968, pp. 24—39. (In Russ.)
5. Bujanov E.V. Vzaimootnoshenija Blagoveshhenskoj eparhii Russkoj pravoslavnoj cerkvi i obshhiny duhovnyh hristian molokan Amurskoj oblasti v nachale XX c. [Mutual relations of Blagoveshhensk diocese of Russian Orthodox Church and commons of spiritual Christians molokans at the beginning of XX c.]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta*. Blagoveshhensk, 2012, no. 56, pp. 3—9. (In Russ.)
6. Bujanov E.V. *Dukhovnye khristiane molokane v Amurskoj oblasti vo vtoroj polovine XIX — pervoj treti XX v.* [Spiritual Christians molokans in Amur region in the second part of XIX century — first third of XX century]. Blagoveshhensk, 2013, 396 p. (In Russ.)
7. Bujanov E.V. Otnoshenija dukhovnykh khristian molokan Amurskoj oblasti s organami carskoj vlasti vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v. [Relations of spiritual Christians molokans of Amur region with bodies of tsar authorities in the second Part of XX century — beginning of XX c.]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta*. Blagoveshhensk, 2011, no. 54, pp. 3—8. (In Russ.)
8. Buyanov E.V. Trudovaja dejatel'nost' dukhovnykh khristian molokan v Amurskoj oblasti vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v. [Labor activity of spiritual Christians molokans in Amur region in the second Part of XX century — beginning of XX c.]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta*. Blagoveshhensk, 2010, no. 48, pp. 35—41. (In Russ.)
9. Dudarenok S.M. Adventisty sed'mogo dnja v Primorskom krae (1950—1989) [Seventh-days Adventists in Primorsky kraj (1950—1989)]. *Rossija i ATR*. Vladivostok, 2012, no. 2, pp. 192—203. (In Russ.)
10. D'jakonov A. Otchet Blagoveshhenskogo Pravoslavnogo Bratstva Presvjataja Bogorodicy za devjatyj god ego sushhestvovanija [Report of Blagoveshhensk's Orthodox Brotherhood Blessed Virgin for the ninth year of its existence]. *Kamčatskie eparhial'nye vedomosti*. Blagoveshhensk, 1895, no. 11, pp. 228—233; no. 12, pp. 243—249; no. 13, pp. 255—262. (In Russ.)
11. D'jakonov A. Poezdka k za-Zejskim moloanam [Trip to Za-Zeyskie Molokans]. *Kamčatskie eparhial'nye vedomosti*. Blagoveshhensk, 1894, no. 6, pp. 119—126; no. 8, pp. 163—170; no. 9, pp. 187—193. (In Russ.)

12. Instrukcija stroitel'nym komitetam po postrojke hramov v Kamchatskoj Eparhii [Instruction to construction committees about the building of churches in Kamchatka Diocese]. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti*. Blagoveshhensk, 1894, no. 3, pp. 19—23. (In Russ.)
13. Kirillov A.V. *Geograficheskoe-statisticheskij slovar' Amurskoj i Primorskoj oblastej so vkljucheniem nekotoryh punktov sopredel'nyh s nimi stran* [Geographical and statistical dictionary of Amur and Primorsky regions with inclusion of some geographical points of borderland countries]. Blagoveshhensk, 1894, 542 p. (In Russ.)
14. Kirillov A.V. Amurskie pryguny ili dukhovnye khristiane (kratkij istoriko-ethnograficheskij ocherk) [Amur pryguny or spiritual Christians (short historic-ethnographical review)]. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti*. Blagoveshhensk, 1897, no. 6, 7, 10, 13, 16, 19, 22. (In Russ.)
15. Koval' T.B. *Dukhovnye khristiane: religioznoe svoeobrazie i ehtika truda* [Spiritual Christians: religious originality and ethics of labor]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/duhovnye-hristiane-religioznoe-svoeobrazie-i-etika-truda> (accessed 23.09.2015). (In Russ.)
16. Litincev K. Amurskie sektanty: molokane i dukhobory [Amur sectarians: molokans and dukhobors]. *Khristianskoe chtenie*. Saint Petersburg, 1887, no. 11—12; 1888, no. 11—12. (In Russ.)
17. Malakhova I.A. *Duhovnye hristiane* [Spiritual Christians]. Moscow, 1970, 128 p. (In Russ.)
18. Morozov I.P. *Molokane* [Molokans]. Moscow, Leningrad: OGIZ — Moskovskij rabochij Publ., 1931, 144 p. (In Russ.)
19. Molokane na Amure [Molokans on Amur]. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti*. Blagoveshhensk, 1898, no. 20, pp. 363—364. (In Russ.)
20. Prisoedinenie k pravoslaviju [Joined to Russian Orthodox Church]. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti*. Blagoveshhensk, 1894, no. 21, p. 162. (In Russ.)
21. Prugavin A.S. Molokanje [Molokans]. *Ehnciklopedicheskij slovar' russkogo bibliograficheskogo obshhestva instituta Granat. 11-e stereotipnoe izd. s matricy 1915 g.* Moscow, vol. 29, 1933, pp. 224—230. (In Russ.)
22. Puteshestvie Preosvjashhenjshego Makarija, Episkopa Kamchatskogo po eparhii v mae, ijune i ijule mesjaca 1893 g. [Journey of Bishop Makariy, Kamchatka's Bishop on the territory of diocese in May, June and July 1893]. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti*. Blagoveshhensk, 1894, no. 1, pp. 6—13; no. 3, pp. 56—63; no. 7, pp. 145—157; no. 11, pp. 252—261. (In Russ.)
23. Serdjuk M.B. *Religioznaya zhizn Dalnego Vostoka (1858—1917)*. Avtoref. dis. cand. ist. nauk [Religious life of Far East (1858—1917). Cand. hist. sci. avtoref. diss.]. Vladivostok, 1998, 22 p. (In Russ.)
24. Tihvinskij S. Ot Blagoveshenska do Pokrovki (802 ver.) i obratno [From Blagoveshensk to Pokrovka (802 ver.) and back]. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti*, 1895, no. 13, pp. 262—267; no. 14, pp. 290—295; no. 16, pp. 345—350; no. 17, pp. 368—373. (In Russ.)
25. Tihvinskij S. Putevye zametki vpechatlenija soprovozhdavshego Ego Preosvjashhenstvo Preosvjashhenjshego Makarija po za-Zejskomu kraju [Journey notes and impressions of accompanying one Bishop Makariy in Za-Zeyskiy kraj]. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti*, 1894, no. 20, pp. 438—443; no. 23, pp. 506—510; no. 24, pp. 526—531; 1895, no. 1, pp. 11—15; no. 3, pp. 69—75. (In Russ.)
26. Ukazy Svjatejshego Pravitel'stvujushhego Sinoda [Decrees of the Holy Sinod]. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti*. Blagoveshhensk, 1894, no. 9, pp. 53—54. (In Russ.)
27. Energichnoe protivodejstvie baptistkoj propagande zemskogo nachal'nika Novouzenskogo uezda [Vigorous counteraction to baptist's agitation from district commander of Novouzenskogo uezda]. *Kamchatskie eparhial'nye vedomosti*. Blagoveshhensk, 1895, no. 8, pp. 187—190. (In Russ.)